

детектив – событие

Евгения Михайлова

КАК СВЕЖИ БЫЛИ РОЗЫ В АДУ

Евгения Михайлова
Как свежи были розы в аду
Серия «Детектив-событие»
Серия «Частный детектив Сергей Кольцов»

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3948095
Михайлова Е. Как свежи были розы в аду: Эксмо; Москва; 2012
ISBN 978-5-699-58777-3*

Аннотация

Вот Валентина и дома. В огромной московской квартире, где она видела только страдания, ненависть и страх. Даже там, откуда она вернулась, ей не было так больно...

Адвокат Петров заинтересовался этим необычным делом – в убийстве Надежды Ветлицкой, вдовы известного поэта и художника, обвинили ее племянницу, месяц назад освободившуюся из заключения. Однажды он помог Валентине и теперь чувствовал себя ответственным за ее судьбу...

Прошло много лет, однако Ирина так и не смирилась, что отец бросил их и ушел к другой. И теперь, после гибели вдовы отца, все его творческое наследие попадет в руки уголовницы? Ирина пойдет на все, но не допустит этого...

Иногда судьба преподносит подарки, от которых невозможно отказаться...

Содержание

Часть первая	4
Глава 1	4
Глава 2	7
Глава 3	9
Глава 4	11
Глава 5	13
Глава 6	16
Глава 7	19
Глава 8	22
Глава 9	24
Глава 10	26
Глава 11	29
Глава 12	31
Глава 13	33
Глава 14	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Евгения Михайлова

Как свежи были розы в аду

Все события и действующие лица романа вымышленные.

Часть первая

Глава 1

Она бездумно и растерянno шла вдоль проезжей части московской улицы. Обычной улицы, а не двора женской колонии. Все было слишком ярким и нереальным, как во сне. Она даже не могла выделить, рассмотреть отдельных людей во встречном потоке, который казался ей каким-то карнавалом. И вдруг на нее налетела бегущая девушка, извинилась, отпрянула, пошла дальше, они обе одновременно оглянулись. Валентина прочла во взгляде незнакомки то ли удивление, то ли отвращение. А сама наконец увидела, что девушка – в легком коротком платье, в туфлях на шпильках, что у нее красиво лежат светлые блестящие волосы. Она посмотрела по сторонам: все были одеты по-летнему в этот необычно жаркий день начала мая. И лишь она, Валя, брела в грубой и бесформенной куртке, в вязаной шапке на голове, с рюкзаком на плече. Она остановилась, шершавой ладонью провела по взмокшему лбу. Колючий свитер под курткой кусал потное тело, голова под шапкой зачесалась. Валентина сдернула ее, и солнце сразу прильнуло к коротко стриженным влажным волосам. Она растегнула куртку, слишком резко подняла голову к солнцу и чуть не потеряла сознание. Ее ослепил простор неба, оглушил гул города, наверное, это был приобретенный страх открытого пространства.

– Вам плохо? – раздался рядом мужской голос.

Валя в смятении посмотрела в светлые глаза стройного человека с необычными серебряными волосами. То ли блондин, то ли седой, хотя лицо молодое. В его глазах действительно сочувствие? Забота о ней? Ей пришлось очень крепко сжать зубы, чтобы не заплакать, не вылить на первого встречного свое горе, не поделиться своей бедной радостью.

– Наверное, мне хорошо, – сумела вымолвить она. – Ну вот так мне хорошо...

– Понял, – кивнул мужчина. – Могу я чем-то помочь, чтобы вам стало еще лучше?

– Спасибо. Я сама. Я как раз собиралась такси поймать.

Он быстро окинул ее взглядом и направился к обочине.

– Пойдите, – обернулся он. – Я сейчас поймаю вам машину.

Валя прислонилась к какой-то палатке. Ну вот. Она столько ночей призывала везение, и оно пришло. Этот человек понял, что такое чучело никто не повезет. А он – красивый, в элегантном сером костюме, сейчас подгонит к ней авто. К ней, Вальке-зачатке, как называли ее на зоне из-за привычки прятать бычки, кружку с недопитым чифирем. Они все думали – она от жадности. На самом деле она знала, как невыносимы минуты, когда кончается действие тюремного антидепрессанта. Ей голову хотелось разбить о стену в такие минуты.

– Пойдемте, – сказал ей незнакомец, дотронувшись до рукава. – Вот машина, ждет вас. Я заплатил водителю тысячу, этого хватит.

– Что вы! Заберите, у меня есть деньги!

– Пошли, – повернулся мужчина.

– Подождите, – сказала Валя. – А в чем дело? Вы что, решили сегодня нищим помогать? Так я совсем не нищая.

– Да нет, – улыбнулся он. – Это вообще не моя роль. Просто глаза у вас такие голубые... Наверно, вы из заключения, я не ошибаюсь? Я – адвокат. Вы сейчас как в открытом космосе.

– Как вас зовут?

– Валентин.

– Не может быть! Я – Валентина.

– Ну, вот видите, какие чудесные совпадения, – улыбнулся он. – Вот моя карточка с телефоном. Вдруг понадобится.

– В смысле, если меня опять заметут?

– Ну, мало ли. Можете сообщить, что этого не произошло, к примеру.

Он подтолкнул Валю к машине, она села, назвала адрес, поймала взгляд водителя, в котором прочитала презрение. Не отвела глаз, действительно ярко-голубых, превратила их в стальные немигающие щели. Она это умела. Упустила момент, и только когда они проехали несколько метров, оглянулась: человек с серебряными волосами был уже далеко. Она не попрощалась.

Они ползли по центру, Валя устало смотрела на бесконечное движение нескончаемых машин, напоминающее муравейник, и вяло думала о том, что сейчас будний день, люди должны вроде работать, учиться, на худой конец – сидеть в тюрьме, а они все куда-то едут. Кто их заставляет это делать, что им всем нужно, что их ждет... О том, что ждет ее, она не думала. Слишком властная и беспощадная у нее судьба: она научила ее не заглядывать даже в следующую минуту, пока та не наступила. Они остановились у старого, некогда элитного дома в одном из арбатских переулков. Водитель вопросительно на нее посмотрел: давать ли сдачу. Она отрицательно мотнула головой. Неуклюже вылезла из машины – крупная, худая, нервно сжимающая в руке вязаную шапку под беспощадным солнцем, которое слепило ее, демонстрировало всем: смотрите, она вернулась. И они смотрели. Валя шла к подъезду с опущенной головой. Не хватало еще здороваться с соседями – как жаль, что она приехала не ночью. Ничего плохого, никого плохого, просто они все ее жизнь с детства смотрели, как кино. Она улыбнется им завтра. Если получится. Или не улыбнется: зубы посыпались в последний год. Кальция в рационе не хватало.

Она поднялась на свой этаж, позвонила в дверь. Ей долго не открывали, потом звякнула цепочка, закрипели крючки-засовы, на пороге появилась старая женщина, опирающаяся на массивную палку. Какое-то время она молча смотрела на Валентину, и ее сухое лицо с тонкими, по-прежнему высокомерно поджатыми губами ничего не выражало.

– Здравствуй, тетя Надя, – ровно сказала Валентина. – Можно войти?

– Тебя выпустили или ты сбежала? – неожиданно красивым и звучным голосом спросила старуха и, не дожидаясь ответа, повернулась к ней спиной.

Валя вошла в пыльную прихожую со стеллажами книг от пола до потолка, бросила на пол рюкзак и ответила уже не тете, а закрывшейся двери ее комнаты.

– Да, меня выпустили. С чистой совестью. Ты, конечно, мне рада.

Она сбросила с себя одежду прямо на пол, босыми, почти мужского размера ногами вошла в ванную, встала под душ и смывала с себя тяжелую дорогу – из одного места, где ей было плохо, к другому, где бывало еще хуже. Как сказал мужик с серебряными волосами, «в открытом космосе». Именно так. В этой огромной квартире столько призраков, столько следов, столько сохранившихся страданий, ненависти, страха, вожделений и тайн, что она здесь по-прежнему чувствует себя как на минном поле.

Валентина вышла из ванной, накинув на себя один из халатов, висевших на крючке, босиком прошла в кухню, открыла кран с холодной водой и долго пила прямо из него. Подняла мокрое лицо: на нее смотрели голубые глаза тетки. Почти такие же, как у нее, только выцвели малость.

– Ты такая же мужичка, как была, – произнесла тетя Надя. – Босиком, пьешь из-под крана. Всю жизнь тебе удивляюсь.

– Конечно, – Валя широко улыбнулась, показав разрушенные зубы. – Я сама себе удивляюсь. Как такая дубина уродилась и вымахала среди утонченных эстетов и аристократов. Ну что с этим поделаешь. Тебе вроде уже семьдесят, если не больше. Понадобится, и от меня примешь стакан воды. Тебе налью. Всех остальных ты извела.

– Да ты хамка. Поешь, если хочешь. Что есть в холодильнике. Я положила на твою кровать чистое постельное белье. Не поленись его постелить.

– Спасибо, – сказала Валя. – Слушай, а почему у меня глаза, как у тебя, а не как у мамы? Странно, правда?

– Ошибка природы, – пожала плечами тетка. – Я пойду. Я в это время отдыхаю.

Валя открыла холодильник, обнаружила там яйца, огурцы и батон. Тетя всегда держала хлеб в холодильнике. Она оторвала кусок батона и ела его с огурцами. В щель кухонной занавески она видела солнечный двор, скамейки у детской площадки, соседок, которые о чем-то оживленно говорили. Разумеется, о ней. Что же делать? Как приблизить ночь, чтобы спрятаться от всего? Она вошла в свою комнату, закрыла дверь на ключ изнутри. Сбросила чистое постельное белье на грязный ковер, легла прямо на матрас, укрылась шерстяным одеялом. Сейчас ее уже знобило. Ломка. Она села и стала лихорадочно вспоминать. Обыск, понятые... Они тогда вывернули все, вытащили наркотики даже из прорехи в матрасе. Но она бы не была Валькой-заначкой, если бы они нашли все. Валя быстро встала, взяла со стола металлическую линейку и отжала плинтус у самой двери. Есть! Она держала в руке маленький пакетик и дрожала от счастья. Опять везение. Потом день замелькал, как киноплёнка, потемнел, закончился, наступила душная и спасительная ночь. Чего только не увидела Валя во мраке пустой комнаты. Чего только не услышала. Но, как всегда, самой яркой, прожигающей душу и мозг картинкой оставалась эта... Валя смотрит в щель двери спальни матери и отчима. Видит тонкое лицо мамы, нежный взгляд ее темных глаз, крупные обнаженные плечи мужчины, который склонился над ней... И вдруг... О боже! Эти плечи целует еще одна женщина. С точно таким же, как у мамы, лицом, только с голубыми глазами. Отчим поворачивается к ней, в его взгляде... Ох, адская страсть в его взгляде... И мука, и рабство... Они очень красивы все трое – мама Вера, ее сестра-близнец Надежда, мамин муж Александр.

Глава 2

Адвокат Валентин Петров проснулся, как всегда, рано. Первый день лета заглядывал в открытое окно хмуро и холодно. По подоконнику стучал почти осенний дождь. Утренние часы были для Валентина самыми плодотворными. Он просматривал дела своих подзащитных, читал информацию помощников и на каком-то этапе безошибочно находил слабые места следствия, тупиковые точки обвинения, заданность показаний лжесвидетелей. И ему становилось ясно, как получить информацию, необходимую для защиты, прямо во время процесса. Как одним своим вопросом что-то разрушить, невинным замечанием выудить истину, которая многое пустит под откос. Свою речь он практически не записывал, просто набрасывал никому не понятный план по сути экспромтов. У него был дар: в нужном месте и в нужное время сказать нечто такое и так, что в зале заседаний наступала решающая тишина. В ней иногда терпели крушение серьезные, с разных сторон поддержанные и щедро оплаченные замыслы. Валентину приходилось, разумеется, иногда терпеть поражение. Приходилось защищать далеко не ангелов. Но он знал грань, за которой кончается человек и начинается отпетый подонок. Подонков он не защищал. Не любил грязную работу. Хватало обычной. А обычное дело для адвоката – это защита тех, кто хоть в чем-то беззащитен и слаб. Хоть в чем-то невиновен. Даже если убил, даже если украл...

Перед тем как встать, он долго смотрел на русую женскую головку на соседней подушке. Марина. Он стал очень осторожным в отношениях с женщинами после мучительного развода с душераздирающим расставанием с сыном, которого у него жестоко отобрали, и он, известный адвокат, ничего не смог с этим поделать. Не разрывать же ребенка на части, если его мать мстительна и почти безумна в своем желании наказать мужа-предателя. Он стал настолько осторожным, что не называл Марину в мыслях ни любовницей, ни подругой, ни любимой, ни близкой... Просто встретилась вдруг как-то. Она пришла брать у него интервью от одной газеты. Милая, тоненькая, круглолицая, с большими зеленоватыми глазами, Марина показалась ему почти девочкой. Если честно, она ему понравилась страшно с первого взгляда. Он потребовал, чтобы привезла ему визировать материал. Она привезла, и он понял: у нее что-то случилось. Оказалось, она пытается развестись с мужем-тираном. Тот развода не дает, квартиру делить не хочет, она ночует у знакомых.

– Это все можно решить в суде, – сказал Валентин.

– Нет, – решительно сказала Марина. – Мне суда не нужно. Я сниму квартиру. Просто пока немного трудно. Но никаких судов, никакой дележки. Пусть он там остается. Лишь бы это все кончилось.

Тот день для них закончился в его холостяцкой квартире, которую он купил еще до развода. Когда ночью она потянулась сладко, обнаженная и теплая, он спросил:

– Сколько тебе лет?

– Двадцать восемь. А что?

– Это какая-то мистификация. Ты выглядишь на семнадцать.

– Ты так считаешь? – серьезно спросила она. – А сколько тебе?

– Скоро сорок. Седеть стал на втором курсе.

– Почему?

– Просто брак породы. Меня на факультете так и называли: Седой.

– Это красиво, – сказала она.

Утром она ушла и не звонила почти два месяца. Он тоже не звонил. Вчера вечером подъехал к ее редакции, дождался, пока она выйдет, сказал, что проезжал случайно. Она вроде бы обрадовалась. Но выглядела измученной. Ее проблема не рассосалась сама собой, как ей хотелось. Он привез Марину к себе и сейчас, глядя на эти легкие волосы, маленькое

ухо, пухлые губы, понял, что развелся-то из-за нее. Чтобы иметь возможность поехать за ней и привезти к себе. А так тянул бы эту лямку супружеской жизни без любви и радости ради сына. Любимого сына. Получается по всей логике, что он наказан справедливо. Потому что любовь и жалость – это вне логики. И чувства к женщине победили даже идею сохранить близость к сыну. Теперь вся надежда на время. Мальчик подрастет и сам придет к нему. Валентин был в этом уверен.

Он коснулся губами ее руки, встал, принял душ, сварил себе кофе, включил компьютер, чтобы просмотреть хронику событий. Убийство в центре Москвы. Жертва семидесятилетняя женщина, известный ученый-геолог Надежда Ветлицкая. Вдова очень знаменитого в свое время поэта и художника Александра Майорова. По подозрению в совершении преступления задержана ее племянница, которая недавно вернулась из мест заключения, где отбывала срок за хранение и перепродажу наркотиков. Что такое! Мать Валентина была знакома с этой семьей. Собственно, эту семью знала вся московская интеллигенция. У них был открытый дом, где собирались очень многие. Валентин бывал там с мамой еще школьником. Там было шумно и весело. Какое убийство? Он быстро нашел на одном из каналов видеосюжет. Из подъезда выводят высокую худую женщину в наручниках. Где он мог ее видеть... Да это же ей он ловил такси примерно месяц назад! Ее зовут Валентина.

Он набрал номер телефона частного детектива Кольцова, с которым сотрудничал.

– Сережа, не разбудил?

– Можно я не буду отвечать? – невнятно произнес Кольцов.

– Проснись. Посмотри все, что найдешь, об убийстве Надежды Ветлицкой.

– Кто она такая?

– Проснешься – поймешь. Она – вдова очень известного поэта и художника. Моя мама водила меня в их дом. Арестована племянница, которая недавно вернулась из отсидки. Ты не поверишь: я с этой племянницей познакомился на улице. Ей стало плохо, я поймал ей такси. Примерно месяц назад.

– Обалдеть, – зевнул Сергей. – Ты хочешь защищать убийцу, которая только что отмотала срок и грохнула родную тетю? Причем эта тетя тебе знакома с детства, а племянницу ты случайно увидел недавно? Да, прям народная песня про адвокатскую честь...

– Слушай, кто грохнул, пока вопрос. Мне просто интересно. Это громкое дело. Может быть яркий процесс. С какой стати мы преподнесем такой презент кому-то другому...

– Действительно. Мы что, Деда Морозы? Валь, ты случайно не был ночью на банкете? Ты какой-то возбужденный.

– Сережа, поработай ради разнообразия. Я нюхом чую, что там что-то интересное. Эта племянница – не простой человек. Если убила, то трудно даже вообразить, каким может быть мотив.

– Она платежеспособна, непростая племяшка?

– Семья всегда была состоятельной. Ну, не олигархи, конечно. Но наследие, то да се... Слушай, я только сейчас сообразил. В новостях сказано, что убитая – геолог. Но жена Майорова была композитором. Она всегда играла на их вечерах.

– Другая жена?

– Какая другая... Известный композитор Ветлицкая... Музыка к фильмам... У другой была бы другая фамилия. Или – Майорова, как у него. Может быть, это ошибка?

– Да в такую рань что угодно может быть. Ладно. Встану через двадцать минут. Если что-то будет, позвоню.

Глава 3

Сергей вышел из душа, налил кипятка в большую кружку с растворимым кофе, включил компьютер и, как только набрал в поисковике «Александр Майоров», сразу вспомнил фильмы, о которых говорил Валентин. Они, конечно, есть и у его мамы. Он их видел. Игровые фильмы и мультипликационные, для взрослых и для детей, с хорошей музыкой и стихотворным текстом. Да, вот они. Режиссер, сценарист и художник – Александр Майоров, композитор – Вера Ветлицкая... Краткая биография: талантливый творческий тандем, муж и жена. Но убита Надежда Ветлицкая?..

– Валентин, – позвонил он адвокату через час. – Ты, наверное, уже и сам посмотрел. Надежда Ветлицкая – все-таки вторая жена. Первая, композитор, умерла двадцать лет назад. Они были сестрами-близнецами. Если точнее, то Надежда – третья жена, поскольку до этих сестер он уже состоял в браке. Просто нам так легче считать.

– Слушай, я в шоке, – сказал Валентин. – Я сейчас читаю, что первая жена Вера Ветлицкая умерла, когда ей не было пятидесяти, внезапно. Какой-то журналист пишет, что был у них вечером в гостях, собралось много народу, как всегда, хозяйка казалась здоровой и веселой, а утром он прочитал, что она скончалась. Майоров женился на сестре ровно через месяц. То есть, получается, заявление подали буквально после похорон?

– Ну, известный человек, могли расписать и не по правилам. Но все равно слишком быстро. Причем я ничего не нахожу про племянку. Кто она, где была во время этих событий... Ей сколько, как тебе показалось?

– Она из заключения, выглядела, конечно... Где-то лет сорок пять... Плюс-минус. Сережа, давай поработаем, а? Дело наверняка у Земцова. И у него же, значит, все на племянницу. Застолби за нами, пожалуйста.

– Жадный ты какой. В смысле славы, конечно. Но и правда дело может оказаться любопытным.

– Спасибо. Ты – настоящий друг. Тогда я переключаюсь. Мне нужно к процессу подготовиться. Жду информации.

Сергей взял лист бумаги, нарисовал три печатные буквы – А. В. Н. Соединил их прямыми линиями, получился треугольник. Потом появилась еще одна буква – В. Валентина. Получился квадрат. У каждого действующего лица наверняка были еще родственные и любовные связи, огромное количество знакомых, друзей, недругов, врагов... Однозначно – многоугольник.

...В кабинет начальника отдела по расследованию убийств Вячеслава Земцова Сергей вошел со скучающим видом. Типа – мимо проходил. Слава поднял голову над заваленным папками столом и радостно улыбнулся.

– Ну кто бы сомневался. Желтая пресса оборвала всему отделу телефоны. По телику передают инфу через каждые пять минут, причем корреспонденты из экрана высказывают, подмигивают и зовут: оставайтесь с нами, будет интересно. То есть не хватало только одного: появления частного детектива Кольцова. Говори: кто прислал?

– Да так. Валька Петров. Зайди, говорит, если время будет.

– Ни фиги себе! Петров! Он ее защищать собрался?! Да там такое на нее, вообще-то без вариантов.

– Как убила?

– Подушкой задушила!

– Экспертиза была?

– Еще нет.

– За что она сидела?

– За хранение и перепродажу наркотиков. Ну, и употребление. Но не это главное. Заявление на нее тогда написала родная тетя. Эта самая Надежда Ветлицкая. Сдала то бишь. Что скажешь?

– Глупый поступок. Подушкой. Сразу после освобождения.

– Вы с Петровым решили, что она умная?

– Семья культурная. Была.

– Особенно эта Валентина. Я тебя сейчас добыю. Она привлекалась за убийство матери двадцать лет назад. Не доказали, что убийство. Остановились на версии самоубийства. Культурная семья не знала, как от нее отделаться. Девчонка была в интернате несколько лет. Потом попала в колонию для несовершеннолетних. За хулиганство, организацию краж. Я пока не вникал в детали. Оттуда она умудрилась вернуться беременной.

– Чем дело кончилось?

– Сыном, представь себе. От которого она отказалась в роддоме – возможно, культурная семья заставила ее написать отказ, поскольку его усыновила их домработница.

– Так и знал, что народу в этом деле будет полно.

– Не то слово!

– Мой совет – не распыляйся. Прямые улики есть? Свидетели?

– Ты не слишком многого хочешь? Люди еще работают в квартире.

– Она призналась?

– Она просто молчит! Ну ты же знаешь, я не давлю. Пусть отдохнет, подумает... А какие, собственно, прямые улики... Они вдвоем были. Везде их отпечатки.

– Да вот и я про то же самое. А вдвоем они были или не вдвоем, про это мы пока не знаем... Подожди. Сообщил-то кто?

– Домработница. Открыла утром дверь своими ключами. Одна хозяйка – синяя, язык на боку, другая дверь своей комнаты не открывает. Ее смог разбудить только наряд полиции. Кровь взяли недавно, но ясно, что была под кайфом.

– Интересно. Домработница – та, что ее ребенка усыновила?

– Не знаю. Ее на завтра вызвал для дачи показаний.

– Завещание есть?

– Тоже не знаю пока. – Слава начал раздражаться. – А если бы все знал, дело сразу, как горячий пирожок, пошло бы в суд.

– Извини, не хотел обидеть. – Сергей скромно пошел к двери, на пороге оглянулся и без выражения произнес: «Ха!»

Глава 4

Валя была тогда угловатым, зажатым подростком – дочерью красивой, изящной и знаменитой матери. Всем казалось, что девочка ужасно одета. На самом деле мама покупала ей нормальные вещи. Просто ей все не шло. Мама была хороша и в ситцевом халате, а Валя чувствовала себя чучелом даже в дорогом платье. А раз чувствовала, значит, и была им. Она иногда стояла перед огромным антикварным зеркалом в столовой, смотрела на свое отражение, и ее терзали такое отвращение, такая ненависть, что она с трудом сдерживалась, чтобы не разбить зеркало, не выбить окно, не совершить чего-то ужасного. Это было отвращение к родному папаше, на которого она похожа, ненависть к матери, которая родила ее от такого отца. Он иногда приходил. Говорил с ней заискивающе. Она к нему никак не обращалась. Не хватало еще называть его папой.

– Почему ты так с ним разговариваешь? – спрашивала мама, когда он уходил. – Он ничего плохого не сделал ни тебе, ни мне. Ты была не такой уж маленькой, когда мы уехали от него в эту квартиру, к тете Наде. Я просто разлюбила его.

– А я должна его за что-то любить? Он – урод. И я из-за него – урод.

– Это ужасно, то, что ты говоришь. Он – нормальный человек. А у тебя просто переходный возраст. Ты скоро станешь интересной девушкой. У тебя красивые голубые глаза...

– Достали вы меня с этими глазами. Так говорят всем уродинам.

– Если бы ты знала, как портит тебя эта грубость, – говорила мама и убегала по своим делам.

По вечерам, когда в их квартире собиралась куча народу, за мамой Верой ухаживали все мужчины. А за ее сестрой – Надеждой – не ухаживал никто. Хотя они были похожи абсолютно во всем, кроме цвета глаз. Валя точно знала, в чем дело. Мама любила мужчин. Это чувствовалось по всему, они летели к ней как пчелы на мед. А тетя Надя, казалось, любила только себя и была не то чтобы высокомерной. Просто держала дистанцию, которую преодолеть никто не мог. При малейшей фамильярности заморозить могла своим голубым ледяным взглядом. Когда Валя смотрела на нежную, кокетливую, со всеми как будто флиртующую маму, она хотела быть дочерью Надежды. Или вообще не быть ничьей дочерью. Она уходила в свою комнату, ложилась на кровать, накрывалась с головой одеялом и скрипела зубами от раздражения, ярости, которым не находилось выхода.

А потом мама представила им с тетей Надей своего жениха – известного поэта и художника Александра Майорова. Валя оцепенела: таким прекрасным он ей показался. Вскоре он переехал к ним. И жизнь сразу стала другой. Народ к ним вообще повалил валом. Мужчины по-прежнему ухаживали за матерью, а женщины липли к отчиму. Он был похож на богатыря из сказки. Высокий, широкоплечий, с волной светло-русых волос над ясным лбом, с крупным, выразительным лицом, которое отражало, как казалось Вале, весь спектр чувств и страстей настоящего мужчины. Она была уверена, что читает его лицо как книгу. Она стала мучить ее, эта смена чувств... К которым она, впрочем, не имела никакого отношения, разумеется. Его нежность, призыв, возжелание – все появлялось, когда он смотрел на маму. А потом... А потом Валя увидела это... И уже никогда, ни на минуту не забывала сцену в спальне матери, где они были втроем: Александр и сестры-близнецы.

Надо было спасаться. Понятно, что она стала в семье совсем чужой и лишней. То, что происходило между взрослыми, было слишком серьезным и страшным для них самих. Даже воздух в квартире был пропитан преступлением против человеческих норм. Но для Вали важнее был тот огонь, который загорелся в ней самой. Он сжег детскую неловкость, застенчивость, комплексы. Она бы просто обуглилась, если бы не нашла выход. Она вдруг сделалась душой самых странных компаний, которые ей несложно было собирать

как дочери известных людей. Ее больше интересовали взрослые мужчины, чем сверстники. Она легко вступала в однополую и групповую любовь. Она стала изобретательной и смелой, часто уходила, бросала, меняла партнеров... Никто не знал ее секрета. Страсть загоралась в ней только тогда, когда она вспоминала ту сцену в спальне матери. Она мысленно была то в роли одной женщины, то другой, то вообще в роли отца. Иногда она видела себя четвертой. Разумеется, узнала вдохновляющее действие спиртного, которое абсолютно утратило смысл, когда появились наркотики.

В какое же страшное унижение они все ее бросили... Люди, от которых она зависела. После одного медосмотра в школе туда вызвали мать. Потом они вдвоем, не глядя друг на друга, поехали в вендиспансер. Вернулись вечером домой, как будто их обеих вымазали смолой, изваляли в перьях. Валя лечилась и думала, что хуже не бывает. Но, когда лечение закончилось, мама и тетя Надя объявили, что она будет жить и учиться в интернате.

– Понимаешь, – сказала мама, – мы все слишком заняты. Мы не можем уделять тебе столько внимания, сколько требуется. Почему ты так смотришь? В этом нет ничего страшного. Ты станешь приезжать на выходные, мы будем приезжать к тебе...

Валя повернулась, пошла в свою комнату, легла на кровать и смотрела в потолок мертвыми глазами.

– Доченька, – сказала мама, войдя следом и присев рядом. – Я не хочу, чтобы ты страдала. Если тебе там будет плохо, мы подумаем, решим иначе.

Валя смотрела на нее и думала: она преодолит себя? Сможет ее поцеловать? Мать не смогла. Погладила дочь по голове и вышла. Потом пришла тетя Надя. Ее глаза были не такими холодными, как обычно. Она быстро произнесла:

– Тебе здесь плохо, я же вижу. Значит, нужно что-то менять.

Отца Валя увидела утром, когда вышла, почти шатаясь, из своей комнаты после черной бессонной ночи.

– Ох, – горестно выдохнул он и отвел глаза. – Ты звони, если что...

Глава 5

Адвокат Валентин Петров безучастно и молча просидел практически весь последний день судебного процесса по делу преподавателя, обвиняемого в педофилии. Заявление написала мать его ученицы. На ее показаниях все и было построено, поскольку сама ученица толком ничего не могла сказать. Но появились свидетельницы – подруги матери, которые слышали, как девочка якобы жаловалась на сексуальные домогательства немолодого учителя математики. Следствие и прокурор сочли обвинение доказанным.

– Никто из нас не любит педофилов, – неторопливо начал свою речь адвокат. – И закон по отношению к ним справедливо суров. Но в суде, кроме волны густо замешенного гнева, хотелось бы услышать доказательства, увидеть улики. Хоть какую-то работу следствия. Поскольку ее нет, пришлось мне самому немного поработать. Всего лишь несколько бесед с жертвой – ученицей моего подзащитного. Ваша честь, я убежден, что ребенку трудно говорить о подобных вещах при всех в зале суда, там, где сидит мать, которая провела некий инструктаж, взрослые тети, рассказавшие то, о чем Таня им якобы говорила. Я прошу посмотреть видеозапись моих бесед с жертвой потерпевшей.

– Я – против, – быстро сказал обвинитель. – Это не доказательства. Он мог ее научить.

– Почему, – пожал плечами судья. – Секретарь, возьмите, пожалуйста, диск у адвоката Петрова.

...Они сидели в сквере на скамейке, адвокат и девочка Таня, беседовали сначала об ее успехах в школе. Потом девочка разговорилась. Она сказала, что хотела бы стать хирургом, но мама утверждает, что в медуниверситете очень дорогое обучение.

– Значит, не будешь хирургом? – спросил Петров.

– Буду! – просияла девочка. – К нам пришла одна тетя и сказала маме, что даст деньги.

– Почему? За что?

– Ну, просто так.

– Ты сможешь мне показать эту тетю?

– Конечно. Она работает в нашей школе бухгалтером. Ее зовут Зинаида Ивановна.

Петров попросил прокрутить разговор немного вперед.

– А вот это она, – сказал он, когда на мониторе появилось лицо женщины. – Зинаида Ивановна Белкина, бывшая супруга моего подзащитного, которая давно пытается отсудить у него квартиру в центре Москвы, где никогда не была зарегистрирована по причине того, что брак продлился меньше года. Квартира вообще принадлежит родителям моего подзащитного. Прошу принять для осмотра документы о том, что Белкина сняла со своего счета крупную сумму денег за два дня до появления заявления о сексуальных домогательствах. И еще одна распечатка – ровно такая же сумма появилась на следующий день на банковском счете заявительницы. Ну и совсем маленькая, но характерная деталь. Среди наших свидетельниц есть сотрудник прокуратуры – вот она, двоюродная сестра Белкиной, которая с заявительницей до этого суда вообще была не знакома (сведения достоверные), стало быть, Таня ей ни на что жаловаться не могла. Теперь, пожалуйста, включите последние минуты нашего разговора с девочкой.

– А как тебе ваш преподаватель математики? – спрашивает адвокат. – Он хорошо к тебе относится? Ну там – гладит, руку пожимает, целует в щечку?

– Ой! Вы что! Это ужас, а не препод. Все наши так считают. Задолбал всех своей математикой. Один раз чуть кол за четверть мне не поставил. Говорит, в яслях лучше считают. Так пусть там и учит, правильно?

– Почти. Ты знаешь, что его судят?

– Ага. Так ему и надо. Пусть в тюрьму посадят, мы хоть отдохнем.

Петров кивнул секретарю, чтобы выключила запись. Посмотрел на подзащитного, который, сжавшись, как от боли, прижал ладонь к левой стороне груди.

– Он недавно перенес инфаркт, – сказал адвокат тихо. – Я все чаще испытываю стыд в храме правосудия. А вы?

...К машине Петров шел вместе с Мариной.

– Я в шоке, – сказала она, упав на сиденье. – Это же мрак. А ты гений, да?

– Да о чем ты, – поморщился Валентин. – Гении облетают вязкие болота... Знаешь, дорогая, сейчас подходящий момент, чтобы повыдываться перед тобой: типа вот какой я скромный герой. Но на самом деле это было просто участие в заведомо грязной игре. Не надо быть большим профессионалом, чтобы распознать сфабрикованное дело. В нем все не так и запах специфический.

– Но дело слушалось столько дней! И человек сидел в тюрьме! Ты считаешь, все это понимали?

– А для чего, по-твоему, фабрикует дела, если не для того, чтобы растоптать чью-то жизнь... Да, думаю, все понимали.

– И ты разрушил этот заговор! Они испугались, да?

– Ну, я бы сказал, все еще проще. Никто не знал точно, на каком уровне утвержден заказ. На всякий случай подыгрывали ему. Меня считают информированным адвокатом. Я сказал: «Король голый», судья решил, что это согласовано с уровнем выше. Примерно такой, сильно нравственный расклад.

– А у тебя согласовано?

– Иногда достаточно того, что существует такое мнение. Все. Дело сделано, забыли, по крайней мере на сегодня, хорошо?

Он достал зазвонивший телефон.

– Да, Сережа. Все в порядке. Спасибо тебе огромное. Поработал, как всегда, чисто. Завтра решим с ним, будем ли подавать иски по факту клеветы. Был у Земцова? Ну что? – Валентин долго слушал, потом задумчиво спросил: – Слава уверен, что это она?

– Конечно. Он всегда уверен в первые два часа. Но я не понял, почему ты сказал, что, если это она, даже не представляешь, какой может быть мотив? Прямой! Корыстный! Там еще и месть.

– Сережа, ты же сам только что говорил, что людей с корыстным мотивом в этом деле может быть воз и тележка. Я посмотрел: дело движется, книги переиздаются, переводятся, издаются новые по ранее не опубликованным рукописям, тиражируются фильмы. Понятно, что авторские права были у вдовы. Валентина с ней жила. Она – наследница первой очереди. Ну, пусть даже есть и другие. Ее корыстный мотив заключался в том, чтобы войти в доверие к тетке. А не задушить ее подушкой и уйти спать, зная, что утром домработница откроет дверь своим ключом.

– Так наркотики же... И месть. Внезапная агрессия. Ты это допускаешь?

– Я все допускаю на данном этапе. Хотя тогда, при встрече, она мне не показалась законченной отморозенной наркоманкой. Ей было плохо, но она держалась. Ладно, ждем новостей. Ты верно подметил, что Слава в первые два часа любит помечтать, что дело проще пареной репы, убийца у него в руках, премия в кармане. Завтра начнет тебе жаловаться на жизнь, уйму подозреваемых и отсутствие алиби у половины Москвы. Но мы не отвлекаемся, Сережа. Наше дело Валентина Ветлицкая. Она – убийца или нет.

...Они молча доехали до его дома. Марина вдруг спросила:

– А если она убийца, ты будешь ее защищать?

– Понятия не имею, – пожал плечами Валентин. И вдруг обнял ее властно, порывисто. – Я хотел бы защищать только тебя. От ветра, от дождя, от чужих взглядов, от своих и твоих

дел... Но ты однажды можешь сказать, что тебя порабощает очередной тиран. Кстати, он кто, твой муж?

– Наш главный редактор. Знаешь, он неплохой человек, мне кажется, его уважают... Возможно, это моя проблема, что я рядом с ним дышать не могу. Ему же не квартира наша нужна, он просто надеется на то, что мне некуда будет уйти...

– А тебе есть куда уйти. Ты можешь дышать рядом со мной?

– Да. Я просто боюсь сказать больше...

– Это о чем?

– Что мне хорошо с тобой.

– В таком случае напиши, пожалуйста, завтра заявление об увольнении по собственному. Ты будешь работать в другой газете.

– Точно – тиран, – рассмеялась Марина, чувствуя, какой камень свалился с ее души. Все решилось в течение минуты.

Глава 6

Валентина вошла и остановилась на пороге кабинета Земцова. Высокая, худая, с очень бледным, сосредоточенным лицом. Слава спокойно и внимательно выдержал ее настороженный взгляд, после паузы сказал:

– Проходите, пожалуйста. Присаживайтесь.

Она прошла к стулу перед его столом широким мужским шагом. На стул опустилась расслабленно, слишком непринужденно. Широко раздвинула ноги в дешевых джинсах, приоткрыла жесткий рот, облизнула губы, посмотрела почти призывно большими голубыми глазами. Слава взглянул с интересом. Улыбнулся.

– Я не начальник зоны, Ветлицкая. Почти наоборот. Если мы нормально поработаем, может, вам туда и не придется возвращаться. Впрочем, если вам удобно сидеть именно так, мне это не мешает.

Валентина тоже улыбнулась, села скромнее и произнесла:

– Вам не угодишь. В смысле – всем.

– Ценю ваше чувство юмора. Чего от вас не требуется, так это угождать именно мне. Нам бы прояснить ситуацию. И либо сделать признание, либо объяснить, что произошло на самом деле. Вы убивали Надежду Ветлицкую, вашу тетю?

– Конечно, нет.

– Значит, той ночью в вашей квартире был кто-то еще?

– Возможно. К ней ходило немало людей. Вы, видимо, знаете, она занималась продвижением творчества мамы и отчима, продавала архивы, не знаю, что еще... Меня в это не посвящала. По причине моего отсутствия, кроме прочих причин.

– Давайте не отвлекаться от сути. От вас требуются четкие показания. В котором часу вы вечером вернулись домой?

– Я никуда не выходила из дома в тот день. Вечером закрылась в своей комнате, как всегда, и легла спать.

– Перед тем как легли спать, тетю видели?

– Не знаю, перед тем или нет, но я ее, разумеется, видела. На кухне, в коридоре.

– В смысле...

– В смысле – живой.

– Ваша комната ближе к входной двери, чем ее. Звонок громкий. Кто-нибудь звонил?

Проходил мимо вашей комнаты к ней?

– Я не слышала.

– Как это возможно?

– Вы прекрасно знаете как. У меня же брали анализ крови. Вырубилась я, – мило улыбнулась Валя.

– Эксперт считает, что доза была небольшой.

– Да, дело именно в этом. – Валентина честно посмотрела ему в глаза. – Я пытаюсь соскочить. Сокращаю понемногу дозу. Действует как сильное снотворное.

Слава открыл папку архивного дела, какое-то время молча листал. Да, с ней легко не будет. Как сказал Петров, «непростой человек».

– Валентина Алексеевна, вы не станете отрицать, что у вас были неприязненные отношения с покойной тетей? Передо мной два дела. Первое – о гибели вашей матери, которое сочли самоубийством. Второе – дело о хранении и продаже наркотиков, в результате чего вы и получили срок. В обоих случаях заявления на вас писала Надежда Ветлицкая.

– Ну да. Она была таким человеком. Грубо говоря, стукачкой, наверное.

– Или принципиальным законопослушным человеком, нет?

– Почему нет... Да, конечно.

Слава внимательно посмотрел на подозреваемую. Она опять изменилась. Лоб прорезала глубокая страдальческая морщина. В глазах заметалась то ли боль, то ли паника... Вроде бы так не сыграешь. Надо бы на сегодня закончить, но он решил использовать смятение этой странной женщины.

– Надежда Ветлицкая была инициатором вашего отказа от сына?

– Я не буду отвечать, – хрипло сказала Валентина. – Это не ваше дело. Оно не имеет отношения... Мне плохо. Наверное, ломка. Скажите, чтобы меня увели.

– Да, конечно. Вам нужен врач?

– Нет.

...В камере Валя упала на койку и почувствовала, как на нее падает тяжелая могильная плита. На нее, живую... В тысячный или стотысячный раз... Это сладкие воспоминания ее жизни, они преследуют ее, как палачи, которым заплатили за работу...

Валя перевела дыхание, и сознание наконец соединило нечеловеческий вой и дикую боль, как будто ее разрывали на части. Это она воеет, это с ней происходит что-то невозможное. Ей так плохо и страшно, что хочется умереть. Почему ей не помогут озабоченные люди, которые стоят рядом?

– Попробуй еще, – говорит врач. – Тужься. Не так пошел. Помоги нам...

Молоденькая девушка-санитарка протянула ей руку.

– Держись за меня. Тебе так будет легче.

Валя вцепилась ногтями в тонкую руку, боль продолжала расти, мозг, казалось, затопило кровью... А потом, после черной пелены, вдруг все закончилось, затихло. Ей показали ребенка, она не рассмотрела его из-за горячих слез. Девушка-санитарка повезла Валью в палату, помогла лечь на кровать. Валя смотрела на ее руки: они были в кровавых царапинах.

– Это я тебя так?

– Ничего, – сказала девушка. – Знаешь, когда ты кричала, у тебя кровь катилась из глаз. Наверное, сосуды лопнули. Но теперь все будет хорошо. Они там ребеночком занимаются. Он запутался в пуповине, чуть не задохнулся.

– И что теперь?

– Все нормально. Спи. Завтра его тебе принесут.

Утром его принесли. Валя удивленно разглядывала эту живую куклу. Медсестра помогла ему взять в ротик ее сосок. Валя ей улыбнулась. Девушка почему-то отвела взгляд.

...Они пришли через три дня. Строгая женщина, которая оказалась заведующей отделением, мама и тетя Надя.

– Здравствуй, доченька, – сказала мама. – Мы подумали... Так для тебя будет лучше. Подпиши эти бумаги, пожалуйста. Это вообще формальность. Он, конечно, наш, твой ребенок. Как ты хочешь его назвать?

– Артемом, – сказала Валя.

– Хорошо, – погладила мать ее руку. – Ты подпиши и отдыхай.

Валя что-то подписала. Она привыкла все время что-то подписывать. Признания, протоколы. Из-за беременности она не отбыла свой срок в колонии для несовершеннолетних. Наверное, нужно подписать бумаги о том, что она здесь. Заведующая взяла бумаги, кивнула Валиным родственникам и ушла. Медсестра принесла ребенка и приложила его к ее груди.

– Смотри, – сказала Валя маме, – какой смешной. Он уже научился.

Мать вдруг всхлинула и закрыла лицо руками. Потом выбежала из палаты. Тетя Надя постояла немного рядом, сказала:

– Ты нас поймешь. Это все для тебя, – и тоже ушла.

Медсестра пришла за ребенком. Вале уже стало ясно: случилось что-то ужасное.

– Вот и все, мамочка, – сказала медсестра. – Он больше не твой. Ты свободна... Ты чего? Ты не знала, что подписываешь? Это был отказ! Вот сволочи. Они тебе не сказали?!

На этот раз Валя не кричала. Кричат живые. А она оцепенела, похолодела, окаменела... Она поняла, что это все. Ее никто не любил, кроме ее пятидневного малыша, и его у нее отобрали. Она его кормила еще неделю, ничего не соображая. Потом пришла домработница Нина и сказала, что она усыновила ее мальчика. И назвала его Колей.

Глава 7

– На выход, Ветлицкая, – буркнул контролер. – Адвокат ждет.

– Какой еще адвокат? – неохотно встала Валя.

Она, опустив голову, вошла в комнату свиданий.

– Добрый день, Валентина, – произнес красивый мужской голос. – Вот и встретились вновь. Вы тогда уехали, даже не попрощавшись.

Валентина посмотрела в изумлении:

– Ничего себе! Тезка! С серебряной головой. Я в такси все оглядывалась, смотрела, как ты уходишь, будто месяц ясный.

– Мы пока будем на «вы», ладно? Я еще даже не адвокат, просто приглядываюсь.

– Ты что, адвокат?!

– Так. На «вы» не получается. Да, я адвокат, Валентин Петров, будем знакомы. Если можно, садись, ты практически ко мне прижимаешься. Это не на пользу делу.

– Я ничего не понимаю. – Валя села, адвокат – напротив, положил перед собой блокнот и ручку. – Ты как меня нашел?

– Понимаешь, Валентина Ветлицкая. Я тебя не искал. Просто сейчас только ленивый не знает о том, что ты подозреваешься в убийстве родной тети. Очередной скандал в очень известном семействе, с которым я даже имел честь быть знакомым. С мамой приходил когда-то в вашу квартиру. Тебя не помню почему-то.

– Так меня всегда куда-то отсылали... А жалко, что мы тогда не познакомились. У меня не жизнь, а пулеметная очередь. Свой адвокат очень бы пригодился.

– Уточняю сразу. Я ни для кого «своим» адвокатом не был. Меня интересует правда. И если эта правда против тебя, то я попробую найти объяснение, смягчающие обстоятельства в пределах закона.

– Ух ты господи. Как все круто. Я не убивала ее, если ты об этом.

– Я читал протокол. Самое слабое место, что после небольшой дозы наркотика ты уснула как младенец. Если бы наркоманы так легко «соскакивали», сокращая дозу, у человечества было бы одной великой проблемой меньше. Это неправда. Поэтому нужно вспомнить, кто приходил. Или, предположим, это сделала домработница, чтобы тебя подставить. Такое возможно?

– Зачем? – хмуро буркнула Валя.

– Ну хотя бы затем, чтобы освободить твое место наследницы. Ради ее сына, которого родила ты. По документам он семье – никто. Обнаружено завещание Александра Майорова, по которому все имущество, сбережения, а также архивы и авторские права принадлежат его вдове, Надежде Ветлицкой, в дальнейшем – по ее усмотрению. Приемная мать твоего сына Николая, ваша домработница Нина Гришкина, могла бы убить твою тетю из корыстных побуждений или из ненависти к тебе, чтобы подставить?

– У нее, конечно, могут быть и корыстные побуждения, – после долгого молчания сказала Валя. – Она ненавидит меня, как ненавидели все в доме. Но Колька знает, что если он чего-то потребует, – я все отдам ему без проблем. Мне все равно, где жить: в нашей проклятой квартире, в тюрьме, в подвале с бомжами... Я – грязь и короста, которую счистили с благородного семейства. И для своего «выблядка», как называют нашего общего с домработницей сына, мне ничего не жалко. Понятно?

– Да. Мне очень понятен уголовный раж, в который ты сейчас с наслаждением впала. Сомневаюсь во всем: в том, что тебе все равно – быть в тюрьме, подвале или в очень хорошей квартире, где сейчас нет других хозяев. Не уверен в том, что ты все готова отдать Кольке, не знаю уж, как его на самом деле называют. Знаю лишь, что он не работает, а живет нормально.

Деньги есть. Кто-то его содержал, кроме матери-домработницы. Не исключено, что Надежда Ветлицкая. И в том, что тебя все ненавидели в этом доме, тоже не уверен. Сейчас, когда нет других действующих лиц, все можно с легкостью поменять местами. Интересно, почему Надежда Ветлицкая обвинила тебя в убийстве сестры, твоей матери Веры?

– Мне плохо. Меня тошнит. Скажи, чтобы меня увели.

– Хорошо. Я приду через пару дней, если ты ничего не имеешь против, – подпишем с тобой договор.

...Ее действительно стошнило в камере. Голова шла кругом. Этот человек, адвокат, – случайно не очередное ли наказание ей за то, что она живет на белом свете? Петров не уверен, что ее ненавидели в доме... Да если она перестанет держаться за мысль об этой ненависти, ей придется разорвать свою грудь, вынуть душу и раздавить ее, как ядовитую змею... Если ненависти не было, значит, есть только ее вина без конца и без края. Валя сжалась в комок: самая страшная боль – мысли о том, в чем она виновата.

...В ту ночь она, как часто бывало, подслушивала у двери в спальню матери. Гости разошлись. Мама, очень красивая, румяная от выпитого вина и комплиментов, поцеловала ее на ночь и, взяв за руку Александра, повела его в спальню. Валя не заметила, куда пошла тетя Надя. Под дверью комнаты родителей был только отблеск ночника. Почему-то долго стояла тишина. У Вали, как и у мамы, абсолютный слух, ее удивляет, что не слышно ни скрипа кровати, ни вздохов, ни разговора. Вообще ничего, как будто люди просто стоят рядом, не шевелясь. Она приоткрыла капельку дверь: так оно и есть. Мама и Александр стоят посреди комнаты и молча смотрят друг на друга. Если бы они кричали, стонали, убивали друг друга – сцена не казалась бы такой ужасной. Эти люди были парализованы каким-то несчастьем... Но они только что смеялись, разговаривали. Что произошло?

– Ты же знаешь, как я чувствую тебя, – сказала мама тихо. – Мне кажется, я по ночам вижу твои сны. И глаза открываю для того, чтобы тебя увидеть. Ты не можешь сейчас ко мне подойти, протянуть руку, потому что ты приготовил для меня казнь. Вы вынесли мне приговор. Ты не можешь в этом признаться?

– Я не могу, – почти прошептал Александр. – Мне кажется, я умираю. Верочка...

– Прекрати, – раздался властный голос Надежды. – Саша, нельзя быть таким слабым. Ты только делаешь ей больнее. Нужно просто и спокойно обо всем сказать. Так больше невозможно. Верочка и сама это понимает... Вера, я постелила тебе в своей комнате. Пожалуйста, иди туда. Так будет всегда. На столике – успокоительные таблетки. Прими, пожалуйста. Мне тоже трудно. Я люблю тебя. Но надо как-то пережить эту ночь. Поверь, потом нам всем будет легче. Нам троим и твоей дочери, чью жизнь мы, кажется, сломали, не заметив этого в пожаре наших отношений.

– В твою комнату? – голос мамы дрожал, срывался. – В твою комнату? А вы остаетесь здесь? Да... Я пойду. Конечно. Раз он этого хочет. Только я пойду к своей дочери, ведь ты, Надя, обвинила меня еще и в том, что я сломала ей жизнь?

– Я сказала – мы.

– Но у тебя нет дочери, – крикнула мама. – У тебя нет и никогда не было мужа. Какая, впрочем, в том нужда: все можно отобрать у любимой сестры.

Валя успела пробежать коридор и влететь в свою комнату. Что делать? Что ей сказать, если мама действительно сюда войдет?

Вера вбежала через три минуты. Глаза ее стали совсем черными, они горели огнем, который уже нельзя погасить. Она посмотрела на Валу: та стояла у окна, приблизилась, сжала ее руки.

– Мы остались вдвоем, – быстро проговорила она. – Ты моя родная девочка, я так перед тобой виновата...

Зря она произнесла последние слова. В Валин мозг вихрем влетели кадры рваной пленки ее жизни, которые терзали девочку непрерывно. Та сцена в спальне – они втроем. Интернат, колония, пьяный насильник-рабочий, который заткнул ей в рот перчатку в мазуте. Роддом. Ее ребенка уносит домработница. Она посмотрела на дрожащую мать – и не почувствовала ни капельки жалости. Только жгучую обиду. А потом в ней поднялся и рос истерический смех... Если бы мама не была в таком отчаянии, она бы поняла, что это приступ. Но она не поняла. Не успела. Это стало последней каплей. Она вдруг взметнулась на подоконник открытого окна, легкая, как девочка, и бросилась вниз – в свое единственное спасение от боли... Когда в комнату вбежали Александр и Надежда, они увидели Вали, еще не успевшую остановить свой безумный хохот. Веры не было в комнате. Ее не было на земле. Ее муж бросился из квартиры вниз по лестнице, тетя Надя сказала племяннице: «Ты толкнула ее, я уверена. Ты – убийца».

Сейчас, через двадцать лет, Валентина в тюремной камере пыталась предотвратить это несчастье. Она стояла на коленях перед мамой, плакала, держала ее за руки, целовала их. Она так любила ее, ей так легко было ее удерживать, держать до утра, утешая. Господи, если ты есть, куда же ты смотрел в ту ночь, когда все убивали твое самое прекрасное творение, нежную, талантливую, любящую женщину! «Я убийца», – билось в голове Вали. И наконец тюремную тишину прорезал страшный, долгий вопль.

– Ты чего орешь? – раздалось у Вали над ухом.

– Я – наркоманка, – прохрипела она. – Мне нужен укол. Пожалуйста. Я подпишу признание в убийстве.

Глава 8

Валентин вошел в квартиру, увидел на полу в прихожей босоножки на шпильке, вздохнул облегченно. Марина уже здесь. Он обошел все комнаты, кухню, заглянул в ванную и не сразу обнаружил ее в спальне. Она лежала не на кровати, а свернулась в клубочек на маленьком шелковом диване в овальной нише у лоджии. Не встала, не повернулась, когда он вошел. Он решил, что она спит, приблизился осторожно.

– Не смотри на меня, – сказала Марина, подняв опухшее от слез, мокрое лицо.

– Что случилось?

– Ты представляешь, он не отпускал меня. Он плакал. Кричал, что убьет себя или тебя, – прорыдала Марина.

– Почему ты плачешь? Ты его жалеешь или испугалась?

– Я жалею. Я в ужасе. Ты не знаешь его: он сдержанный, уверенный, даже самоуверенный человек... Мне было так плохо, что я чуть не осталась...

– Если бы осталась, тогда я бы стал плакать и кричать, что убью себя и его... Ты бы меня пожалела?

– Мне тебя не за что жалеть, – серьезно сказала Марина. – Я тебя люблю.

– Боже! Ты это сказала первой. Я ждал. Просто держал себя за горло, чтобы не брякнуть.

– Почему?

– Чтобы не давить, как говорит один неплохой следователь.

– Он так говорит про своих преступников? Ну я и связалась, – Марина вытерла слезы и улыбнулась. – Ты же весь состоишь из своих адвокатских штучек. Это ж надо: держать себя за горло, чтобы не сказать о любви. В результате ты о ней так и не сказал.

– Я скажу. Я люблю тебя. С адвокатскими штучками или без них – я безумно тебя люблю.

Он протянул к ней руки, и она бросилась к нему, потрясенная. Она не знала, что притяжение к другому человеку бывает таким сильным, непреодолимым. Она не подозревала, что и он об этом узнал впервые.

Из спальни они вышли спокойными и уверенными. Они могли говорить о чем угодно, могли молчать – каждый о своем, – абсолютная гармония их союза уже не зависела, казалось, ни от чего.

– Мне с тобой так хорошо, как будто я одна, – сказала Марина и засмеялась. – Вот как по-дурачки я выразилась.

– А мне хорошо может быть только с тобой. Давай не будем уточнять почему. Просто пойдем, я тебя покормлю. Ты хочешь есть?

– Нет. Я хочу чего-то вкусного.

На кухне она нашла в холодильнике блюдо с клубникой и села за стол с целью съесть ее всю. Он закурил, включил телевизор, услышал фразу ведущего: «Следствие по делу убийства Надежды Ветлицкой продолжается» – и выключил его.

– Я встречался сегодня с Валентиной Ветлицкой.

– Seriously? Что она говорит?

– Что не убивала. По деталям – это вранье.

– То есть – она убила?!

– Да нет, это из вранья не вытекает. Просто она не говорит правды.

– А как ты думаешь?

– Никак. Есть же следствие.

– Она плохой или хороший человек?

– Вопрос на засыпку. Она – искалеченный, изуродованный сложными обстоятельствами человек. В раю могла бы быть хорошей, в аду, полагаю, способна на все... Что было на самом деле между раем и адом, не знаю.

Раздался звонок домофона, Валентин ответил:

– Привет, Сережа. Дома, как видишь. Поднимайся.

Он провел Кольцова на кухню.

– Вот моя Марина. А это – частный детектив Сергей Кольцов, моя правая, а иногда левая рука. Знакомьтесь.

– Я не помешал? – Сергей галантно прикоснулся губами к руке Марины. – У вас тут вроде – земляничная поляна, так?

– Клубничная, – уточнила Марина. – А я ее доедаю. Но чуточку могу оставить вам.

– Буду очень благодарен, – сел за стол Сергей. – Представляете, какое совпадение: это и мое любимое блюдо. Если Валек еще и колбасы какой-нибудь даст, я наконец нормально поем, как старый степной волк.

– Это у него припев такой, – сказал Валентин, вынимая из холодильника батон колбасы. – Бери хлеб, режь, жуй. Мы не можем тебя обслуживать, устали.

– Наслышан. Встречался с потенциальной подзащитной?

– Без особого успеха. Трудный человек, тяжелая ситуация.

– Я у тебя спросил сразу: оно тебе надо? Ты ответил – да. Поэтому несу тебе информацию, как ты заказывал. Ничего, что я жую?

– Тебя это не портит.

– Спасибо. Николай Гришкин вчера дал объявление о поиске работы. Похоже, его действительно поддерживала Надежда Ветлицкая. Значит ли это, по-твоему, что они с матерью не причастны к ее убийству? Ну не рубят сук, на котором сидят...

– Ничего это не значит, – резко сказал Валентин. – Они могли решить, что Надежда дает мало. А тут все сразу – квартира, сбережения, архивы и тэдэ. Какие там сбережения, узнал?

– Да, Слава получил информацию. Очень даже приличная сумма. Но Николай здесь при чем?

– Ну, если Ветлицкая считала, что должна его содержать, могло и завещание появиться в его пользу. Я имею в виду, что она его написала, пока Валентина сидела. Надо узнавать у ее нотариуса.

– Если такое завещание есть, значит, Гришкины – главные подозреваемые?

– Пока это ни о чем не говорит. Валентина могла убить в припадке гнева, из мести, мало ли что... Нашел Николай работу, не знаешь?

– Предложение он получил. Я ему позвонил как менеджер одной фирмы. Спросил: «Ваше объявление еще актуально?» Он сказал, что выбирает. Будто его пригласили два банка выбивать долги. Двадцать тысяч в месяц плюс процент с выбитого. Какой именно процент – ему не сообщили. Чудесная работа, правда? Я даже размечтался.

– Думаю, процент зависит от сложности и способа выбивания. Ладно, это другой вопрос. А как он в контакте – сын Валентины?

– Ну, мы о поэзии и музыке не говорили. Но не сильно продвинутый внук известного семейства. Ты хочешь с ним пообщаться?

– Пока нет. Пусть дает показания следствию.

– Я бы хотела познакомиться с Валентиной, – вдруг заявила Марина. – Это возможно?

– Я не знаю, – ответил Валентин. – Сережа, что ты на нее уставился? Марина – не только совершеннолетняя, она взрослая женщина, журналистка. Просто выглядит так...

– Ты меня правильно понял. Вся эта драма – для совершеннолетних. Но раз она журналистка, ты можешь это устроить.

Глава 9

Коля Гришкин, долговязый парень с темным ежиком волос, с не слишком заметным косоглазием, вышел из метро, купил в палатке банку пива, неторопливо двинулся дальше. Уже темнело. Ему осталось перейти дорожку к дому, когда сзади от старого дуба отделилась тень и через мгновение Колю взяли в кольцо две сильные руки. Он вырвался, попытался убежать, но от подсечки упал под ноги крупного мужчины.

– Ты че, парень? – спросил испуганный Коля. – У меня нет денег. Могу карманы вывернуть. Ну, там, мелочь.

– Обижаешь, сынок, – сказал человек. – Я просто в гости к тебе пришел. Папаша я твой. Биологический.

– Не понял.

– А че тут не понимать. Отец я тебе, в смысле родной. Приглашай домой, я все расскажу. Не тут же.

– А кинулся чего?

– Придержал просто. Ну, пошутил. Не знал, что ты такой дерганый. Вставай. – Мужчина поддал Коле под зад носком потрепанного башмака. Тот вскочил.

– А че это я должен тебе верить... Хотя бы и так... Никуда я тебя не поведу.

– Поведешь. С приемной матерью познакомишь. Я вам расскажу, как и где у нас все случилось с родной твоей мамкой – Валькой Ветлицкой. От родни не отказываются, Коля.

– Какая родня! Всю жизнь о таком папаше мечтал! Сказал – не поведу. С какой стати?

– С такой... Жить мне негде, есть нечего, а вам я могу и пригодиться.

...Нина открыла дверь квартиры, удивленно взглянула на взъерошенного сына и незнакомого не слишком опрятного мужчину.

– Это кто, Коля?

– Сейчас объясню, – пообещал незнакомец, отодвинув ее от порога и войдя в квартиру. – Говорю же: щас объясню! Закрывай дверь.

Она попятилась, Николай сказал, закрыв входную дверь:

– Он говорит, что является моим биологическим отцом. Знает, как мою родную мать зовут, – Коля быстро прошел из прихожей в кухню, появился на пороге с разделочным топориком в одной руке, с мобильным телефоном – в другой. – А это известно теперь любому жулику. Я звоню в полицию, а если он дернется... Сам на меня напал, сам в квартиру влез...

– Черт, прям крутой, – хмыкнул незванный папаша. – Да звони, только перед этим можешь меня немножко порубать. Завтра нас по телику покажут. В одной клетке. А Валька, мамочка твоя родная, всем все расскажет. Хорошо она говорит. Я прям заслушивался, когда она в колонии сидела... Потому ты на свет и появился.

– Отнеси на место топор, – велела Нина. – И телефон положи. Посмотри на него и на себя в зеркало. Я все думала: где ж Валентина такого косоглазого нашла... Как тебя зовут? – спросила она у гостя.

– Роман, – ухмыльнулся тот. – Не нравлюсь, что ли?

– Да мне от тебя детей не рожать. Сыном своим я довольна. Чего ты про него вспомнил – дураку понятно. Но раз пришел, мой руки, пойдем чай пить.

Николай, насупившись, смотрел на сидящего напротив него за кухонным столом мужчину. Расселся действительно как папаша. Ну, косоглазый. Мало, что ль, таких. Он украдкой посмотрел на свое отражение в круглом зеркале, висевшем на стене. Похож здорово. Тут и говорить нечего. Угораздило.

– Как вас называть? – вежливо обратился Роман к хозяйке квартиры. – Читал в газете, что Ниной зовут, а как по отчеству – не знаю.

– Ниной и зови, – ответила та.

– А у сына в метрике какое отчество стоит?

– Николай Александрович. Так обе старшие хозяйки тогда решили. Мужа их звали Сашей.

– Ну, про мужа я знаю. Получается, что они Колю признавали?

– Признавали. Не скажу, что обожали, но не чужой он им был. Надежда Васильевна до... смерти своей деньгами его поддерживала. Жить можно было, но на черный день не откладывали. Так что если ты пришел к богатому сыну, то ошибочка вышла... Завещания она тоже не оставила: не своей ведь смертью померла. В общем, прав у нас ни на что нет.

– Может, и оставила, просто сказать не успела...

– Не знаю.

– Так надо поискать. Квартира пустая, ключи у вас есть.

– Не, я от него тащусь, от этого папы, – изумился Николай. – Он хочет, чтоб мы его в чужой дом повели – чужое завещание искать. Слушай, я им по всему родной внук был, это запросто доказать можно. Я и без завещания при делах. А ты при чем?

– Отцовство тоже доказать сейчас легко, – огрызнулся Антонов.

– Но не нужно, – почти весело выпалил Коля. – Ты нам всем не пришей кобыле хвост. Моя родная мать тебя сроду не вспомнит. Мало ли с кем она и когда...

– Коля, – строго прервала сына Нина.

– А если вспомнит? – спокойно возразил Роман. – А если не забывала? Если виделись мы с ней совсем недавно? Как муж и жена. В той самой квартире. Что скажешь? Вы тут меня унижаете – не пришей кобыле хвост, то да се, – а я, может, один способен Валентину из тюрьмы вытащить. Вот пришел узнать: вам это надо или пусть она следующий срок мотает?

Глава 10

Высокая элегантная дама вышла из машины у дома на Первой Аэропортовской улице, достала два пакета с продуктами, вошла в подъезд, поднялась в квартиру на четвертом этаже, в большой прихожей прислушалась. Вода не льется, телевизор не работает, значит, мама отдыхает. Она отнесла пакеты на кухню, зашла в ванную – умыться и переодеться. Перед зеркалом, как всегда, стояла долго, внимательно разглядывая ухоженное лицо, красиво уложенные волосы естественного белокурого редкого цвета. Как у отца – Александра Майорова, о котором сейчас так много говорят и пишут. Вспоминают, конечно, и ее, Ирину, дочь от первого брака. Отец писал хорошие стихи, у него были неплохие картины, он придумал свой музыкально-поэтический жанр в художественном кино, но он не знал такой славы при жизни. Подобную славу в наше время приносят только преступления и вывернутая наизнанку для всеобщего обозрения частная жизнь, постыдные тайны и страшные трагедии. Ирина отказалась участвовать в одной популярно-истеричной передаче о сенсациях, посвященной, как ей сказали, творчеству ее отца. Ну, понятно, чему на самом деле этот балаган был посвящен. Она случайно включила два дня назад телевизор ровно в ту минуту, когда на экране появилась ее фотография рядом с портретом отца. Они очень похожи. Она быстро выключила телевизор и подумала, как бы его испортить, сломать. Мама... Она любит смотреть все передачи, а у нее больное сердце. Конечно, Ирина ничего не придумала. Даже если бы у нее получилась диверсия, мама в тот же день вызвала бы мастера. Она терпеть не может, когда что-то выходит из строя.

Ирина вошла в кухню. Ее мать, Анна, худая, с бледным аскетичным лицом, коротко стриженными седыми волосами, вынимала продукты из сумки.

– Мама, ну зачем ты встала? Ты же знаешь, я сама все сделаю, просто мне всегда в первую очередь хочется смыть с себя улицу, влезть в халат...

– Ирочка, мне ведь совершенно нечем заняться. Я не спала, лежала, тебя ждала. Мне хочется с тобой побыть, – Анна улыбнулась, и лицо ее сразу стало не суровым, каким прежде казалось, а нежным, растерянным, добрым. Собственно, именно такой она и была. Просто радость в ее жизни оборвалась в один день. Она закрылась от всех, кроме дочери, замкнулась в себе. Да и Ире старалась не портить жизнь своим настроением.

– Тогда садись. Что приготовить на ужин? – спросила дочь.

– Ну, я, как всегда, буду простоквашу. Вот печенье еще. Все собираюсь сама испечь тебе шарлотку или наполеон. Ты себе готовь.

– Мам, я чаю с бутербродом выпью. Устала, неохота готовить, да и есть тоже. День был бестолковый.

– Расскажи, – предложила мать.

Это были лучшие их часы, когда они сидели и обсуждали дела Ирины, домашние проблемы. Иногда планировали куда-то съездить, кого-то пригласить в гости. Они никогда не нарушали одного правила: ничего не вспоминать. Слишком многое помнили. Как жили дружной красивой семьей: талантливый, известный отец, мама – музыкальный редактор киностудии, обожающая мужа. Удачливая, способная, эффектная внешне дочка, уверенная в том, что ей повезло с родителями больше, чем другим детям. В те времена все жили достаточно скромно. И вдруг пришел громкий успех к Александру Майорову, они получили эту большую квартиру, у них появился миллион друзей и знакомых. Жизнь превратилась в праздник... Который закончился в один день, когда отец собрал вещи и уехал в новую семью. О тех днях Ирина отчетливее всего помнила, как мама таяла, высыхала у нее на глазах. Ей было страшно на нее смотреть. Она бежала из школы, влетала в квартиру, кричала «мама», ожидая чего-то совсем ужасного. Но мать стойко держалась, старалась как можно больше

работать, следила, чтобы Ира правильно питалась, хорошо одевалась... Все это было непросто. Мать отказалась брать деньги у отца, а он так утонул в своей сложной жизни, что особенно и не настаивал. Миллион друзей и знакомых испарился, все перекочевали на новое место жительства папы. Ирина была этому даже рада. Ей от матери-то трудно было скрывать свое поражение, разочарование, унижение, а уж как держаться перед чужими в тринадцать хрупких лет... Протекцию отца Ирина приняла, лишь поступая в литинститут. Она неплохо писала эссе, рассказы, рецензии, у нее были стиль и чувство меры, но перед безоглядным и полноценным творчеством Ира поставила для себя внутренний запрет. В нем выразилась вся ее боль. Ей казалось, что если она начнет раскрываться, как отец, если у нее это получится, то и ее судьба может понестись бесконтрольно, как горный поток, разрушая все вокруг и ее собственную душу. Какое-то время она была литературным и театральным критиком, потом, когда литература и искусство влились в рамки бизнеса, открыла свое авторское агентство. Стала неплохо зарабатывать, но ей не нравилась работа, которая в принципе сводилась к торговле за процент, в ней не было настоящего выбора и творческого содержания. И тогда Ирина заняла свободную нишу. Ее небольшая фирма, в которой работали профессиональные литераторы без авторских амбиций, занималась доведением чужих рукописей до кондиции. До уровня, приемлемого в хороших издательствах. Иногда они просто писали заново ту ерунду, которую, к примеру, могли навалить от нечего делать известные деятели шоу-бизнеса, политики, просто богатый человек или преуспевшая в другом деле дама, жаждущая писательской славы. Не сразу Ирина вошла во вкус этого дела. Но сейчас, когда завязаны деловые отношения с издательствами, студиями, редакциями, она может по заказу найти любого автора, то есть создать его практически из ничего, как Пигмалион. Такая работа оправдывала некий шлейф секретности, которая вообще по жизни стала спасением Ирины. Она замуж вышла тихонько, в ближайшем загсе, без свидетелей. Никогда не отвечала на вопросы журналистов. О том, что родила сына, даже отцу не сообщила. Он узнал об этом через год. Захотел приехать, Ирина под каким-то предлогом отказала. Он не настаивал. Муж Ирины рано умер от рака, сына Игоря она после школы отправила учиться в Оксфорд. И сейчас главной ее заботой стала мама – ее здоровье и покой. Как им обоим хотелось хоть на день вернуть то ощущение счастья, которое они испытывали, когда были семьей Александра Майорова. Вернуть это они не могли, но само желание делало их очень близкими людьми, как будто они оказались вдвоем на необитаемом острове.

– Понимаешь, – рассказывала Ирина матери, – мы замучились с этой Виолеттой, ну, ты знаешь, королевой неизвестно какого бизнеса. Полное ощущение, что она не училась даже в школе. Вытащить из нее какую-то мысль, которую она хотела бы озвучить в своей книге, нереально. Предложить что-то – тем более: она не способна.

– А если просто ее выгнать? – спокойно спросила мама.

– Такая идея, конечно, витает в воздухе, тем более что навязывать ее издательствам все труднее: даже после ювелирной обработки ее книги не покупают. Но мы решили, что не можем пока себе этого позволить. Ну, она набита же деньгами, мам... Главный редактор Артем сегодня сказал: «Говорят, если зайца каждый день бить по голове, он научится играть на барабане. С Виолеттой такое не получилось бы».

– Это все ужасно, – согласилась мама. – И то, что ты на нее тратишь время и способности, и то, что вы все от ее денег зависите... Но я не понимаю: как же она их зарабатывает, если такая тупая?

– Мапочка, – рассмеялась Ирина. – Это вообще вопрос из вопросов: где проходит та извилина, с помощью которой человек умеет делать деньги... А чем ты сегодня занималась?

Анна помолчала, собирая со стола посуду и складывая ее в мойку. Потом повернулась и посмотрела на дочь своим растерянным взглядом, который Ирине всю душу переворачивал.

– Тебе не понравится... Я смотрела передачу о семье Александра.

– Опять, – с досадой сказала Ирина.

– Да, постоянно показывают. Но дело не в этом. Там речь шла о судьбе его падчерицы Валентины, которая сейчас в тюрьме. Я пришла в ужас. Как это могло произойти? Они забросили девочку, отдали ее в интернат, потом эта Валя попала в колонию, родила, они ее заставили отказаться от ребенка, затем ее посадили из-за наркотиков... Ты слышала об этом?

– Читала.

– У меня нет объяснений такому ужасу, Ира. Александр всегда был гуманным, даже мягким человеком. Мы с тобой никогда не говорили о Вере, его жене. Я с ней работала. Она была талантливой, красивой, доброй женщиной... Что ж они натворили с ребенком?!

– Мама, мы всю жизнь считали, что жизнь отца – не наше дело. Мы на этом держались, – устало произнесла Ирина. – Неужели мы сейчас начнем в это вникать, обсуждать, как миллионы посторонних людей, которым нечего делать...

– И все-таки я бы хотела знать, что ты думаешь. Ведь не может быть, чтобы ты даже не думала об этом... Да, мы решили когда-то быть в стороне. Но мы же ничего не знали!

– Что я думаю... Дети бывают разные. Почему надо во всем винить родителей? Может, папа вообще не мог ничего изменить. А обе его жены... Мама, вот об этом нам точно размышлять не стоит. Если хоть какая-то часть из того, о чем пишут, – правда, то там был ад. Чего я больше всего боюсь, так это того, что всплывет нечто страшное о папиной кончине. Они все там умирали внезапной ужасной смертью. Отец ведь тоже вроде не болел...

Глава 11

Сергей открыл дверь и пропустил в квартиру Валентина Петрова.

– Привет. Быстро ты. Проходи. Кофе хочешь?

– Называй вещи своими именами, – улыбнулся Валентин. – Да, я хочу выпить твою бурду. Она меня бодрит и забавляет.

– Почти смешно, – пробормотал Сергей, проходя на кухню. – Садись, у меня тут и бумаги всякие. В общем, Нину Гришкину опросил Земцов. Она показала, что Надежда Ветлицкая ежемесячно выделяла нормальную сумму для того, чтобы ее внучатый племянник, усыновленный домработницей, мог не работать. Всю жизнь!

– Из чего вытекает, что она выполняла родственные обязательства перед ним и, скорее всего, считала его наследником.

– Но между ним и наследством стояла его мать Валентина. И если ее отправить в тюрьму за убийство...

– То она перестанет быть наследницей. Схема слишком простая.

– Я, конечно, не очень вникал во внутренний мир этого Коли, но сложным он мне не показался.

– Ну, алиби его Слава будет проверять. Слушай, есть ведь еще родная дочь Александра Майорова. Она тоже может претендовать и на доходы от наследия, и на архивы. Как минимум. Что-то о ней ничего не слышно.

– Ну, тем, кто целыми днями целуется с Мариной, не слышно, разумеется. А я за неимением лучших занятий побродил вокруг первой жены Майорова. Она вышла из булочной, села в сквере на скамейку. Я там случайно оказался, желтую газету с разворотом читал. Поделился с ней мыслями. Она, конечно, не представилась. Реагировала сдержанно. Но реакция была! Интересует ее все это. В общем, я как раз эту тему затронул. Мол, когда происходят такие события в семьях известных людей, всегда можно предположить, что это с наследством связано. Говорю, тут вскользь написано, что существует родная дочь Майорова и она тоже заинтересована... Ну, так грубо, напролом. Хотя эта пожилая благообразная дама – очень приятная, деликатная. Короче, она не вынесла, конечно, и говорит: «Я слышала, что его дочери ничего не нужно. И его первая жена даже от алиментов отказалась».

– Ну? Ты проверил?

– Да. При разводе Анна Майорова написала заявление, что отказывается от алиментов. Дочь ее, Ирина, сейчас – владелица авторского агентства. Информации о том, что она претендует на наследство, – нет. Но она может это сделать в любой момент. И на фоне «сложной», как ты говоришь, Валентины Ветлицкой, – все выиграет, разумеется. Если не ты против нее будешь выступать.

– Благодарить за комплимент тебя не нужно? А что она собой представляет, родная дочь Майорова?

– Я с ней не знакомился. Так, зашел в ее офис, типа приглядеться на предмет автобиографию написать. Очень интересная женщина, похожа на Майорова, вся из себя благородная, наша Валентина на ее фоне – просто дно, если честно.

– В заданных обстоятельствах, – серьезно ответил Петров. – Гордое и уверенное благородство, когда ему ничто не мешает, – гораздо более устойчивая позиция, чем яростное выживание вопреки всему... Просто одной из них осталось только выживание... Возможно, без выбора.

– Ты действительно так думаешь или уже речь готовишь? Что значит – без выбора? Так можно про кого угодно сказать: жизнь заставила...

– Сережа, ты всегда прав в своих демагогических обобщениях... Я всего лишь думаю о том, как чувства, нервы, впечатлительность конкретного человека могли отреагировать на обстоятельства, которые сейчас открываются. В результате чего убрать Валентину со своего пути другой, более благородной наследнице ничего не стоит. Собственно, почему я этим делом и занимаюсь. Убрать, стереть такой нежелательный элемент, как Валентина Ветлицкая, может кто угодно. Любым способом, даже спровоцировав ее на убийство. Кроме родни, это, например, мог сделать кто-то, кто вел дела Надежды Ветлицкой, управлял наследием, издавал, продвигал... Мы не знаем, кто это.

– Мы узнаем, какие проблемы. Не все сразу.

– А как умер сам Александр Майоров?

– Внезапно. От сердечного приступа. «Скорая» не успела.

– Сколько ему было?

– Пятьдесят три. Он умер через три года после гибели Веры Ветлицкой.

– Нехорошая квартира, однако. Надо бы узнать подробнее, кто был с ним рядом, что да как...

– Мне кажется, тебе имеет смысл об этом поговорить с подзащитной. Она умудряется оказываться в центре самых ужасных событий.

– Она в это время жила в той квартире?

– Там или не там, я точно не выяснил. Она просто в то время была на свободе.

Валентин вышел из дома Сергея задумчивым. Иногда легче всего отбить человека от официального обвинения. В данном случае для него было важно понять себя: во что он верит больше – в невиновность или вину Валентины. И имеет ли значение то, во что он верит больше. Он вспомнил ее незащищенные голубые глаза во время той самой первой встречи, когда он понятия не имел, кто она, просто почуял, что без его помощи она может и не доехать до места. Доехала... С его помощью. Какая-то логика вырисовывается. Вроде бы он несет ответственность за то, что с ней произошло потом. Грешники горят в аду при жизни, если понимают, что они грешники. Не слишком справедливо это...

...В тюремной медсанчасти Валентина, оттолкнув медсестру, упала на колени перед врачом.

– Еще один укол, пожалуйста. Умираю. Душа разрывается. И пусть позвонят адвокату, который ко мне приходил. Хочу подписать с ним договор.

Глава 12

Земцов серьезно смотрел на Валентину, которая сидела перед ним такая изможденная, как будто ее пытали сутки напролет.

– Плохо выглядите, Ветлицкая. Как здоровье?

– Отлично.

– Мне сообщили, что вы признание в убийстве собираетесь сделать. Правда, за укол.

– Да, я обещала, что признаюсь.

– За что вы убили Надежду Ветлицкую?

– Я ее не убивала. Я хотела сказать, что фактически действительно убила свою мать Веру. Тогда тетя Надя написала на меня донос, но обвинения мне не предъявили. Сочли мамину смерть самоубийством. Думаю, отчим об этом похлопотал. Он не любил скандалов.

– Так. Такой поворот придумали. Ну хорошо. Признавайтесь в том убийстве.

– Вы знаете, конечно, что мой отчим был мужем мамы и ее сестры одновременно. В тот вечер он и тетя Надя дали маме отставку. Просто выгнали из ее спальни. Она прибежала ко мне в комнату. Она не собиралась умирать. Мама плакала, говорила, что мы остались вдвоем... А я... Я оттолкнула ее. Когда она взобралась на подоконник, я смеялась. У меня была истерика. Мама прыгнула... В это время в комнату вошли отчим и тетя Надя. Я продолжала смеяться.

– Да... Укол вы, конечно, выпросили обманным путем. Между нами, вам и так бы помогли. Люди с вашей проблемой здесь не редкость. Что касается этого эпизода, записанного с ваших слов, то он вас не украсит в суде. Такое никому не понравится.

– Серьезно? – Валя подняла на него мутные, вовсе не голубые глаза. – Вы меня огорчили. Я прям извелась вся: как, думаю, себя еще украсить? Вроде и так вся в алмазах...

– Да, насчет алмазов – это в точку. Жизненный путь ваш впечатляет. Но раз мы опять с вами встретились, раз имеем возможность поговорить о том, что интересует следствие в данный момент, а вы по-прежнему стоите на том, что не убивали тетю, может, скажете, кого подозреваете? У вас есть какая-то своя версия?

– Какая еще версия! Меня не было здесь пять лет. За это время тетка могла достать кого угодно.

– Согласен. В принципе это логично. Но почему она достала кого угодно не в те пять лет, что вас не было, а как раз тогда, когда вы появились? Ну не может не быть связи между этими событиями. Сами, наверное, понимаете, что это очевидно. Вы – неглупый, даже образованный человек. При такой бурной биографии умудрились проучиться четыре года в пединституте. Кстати, вы случайно не мечтали с детства стать учительницей?

– Хорошая шутка. Нет, не мечтала. Мама с отчимом туда меня сунули. Проучилась столько, сколько успела.

– Неплохо, кстати, учились.

– Да, на филфаке. Да мне это было как нечего делать. Квартира у нас доверху набита книгами, которые я когда-то читала. Свою родную дочку отчим устроил в литинститут. А мне, как Золушке, досталось что похуже.

– У вас сложились плохие отношения со сводной сестрой Ириной Майоровой?

– Вообще никаких. Она и ее мать вроде не простили его, не хотели общаться. Он один раз привел свою дочь – мою ровесницу – к нам на обед. Хотел, наверное, чтобы мы подружались. Мы сидели вокруг него за столом, как свернувшиеся гадюки. Мама с тетей Надей ревновали его друг к другу, еще больше – к этой дочери и ее матери. Я ненавидела их всех, Ирка смотрела на нас, как на стаю людоедов.

– Красиво рассказываете. Вопрос чисто теоретический. Вы не считаете, что Ирина Майорова заинтересована в том, чтобы убрать вас как наследницу своего родного отца?

– В том, чтобы меня убрать, всегда и все заинтересованы. Просто Ирина не стала бы душить мою тетю подушкой даже ради такой заманчивой идеи.

– Наверняка нет. Но кто-то другой мог быть заинтересован в том, чтобы наследницей осталась она одна... Это я так размышляю, извините. Ну, вот мы о наследниках заговорили. Если Ирина выбывает из круга подозреваемых, то... вашего родного сына Николая никак исключить нельзя. Ему больше двадцати лет. Он всю жизнь на содержании у Надежды Ветлицкой и своей приемной матери. Потребности растут. Вопрос, конечно, неприятный, но он мог бы пойти на убийство, чтобы, подставив вас, стать абсолютным наследником?

– Нет, – хрипло ответила Валентина. – Не потому, что он любит или жалеет меня, а просто жидковат для такой истории. Вы мне поверьте: я убийц видела.

– Понимаю. Но и я встречал их, само собой. И знаете, что я скажу: у тех, кто жидковат для таких историй, бывают подельники покрепче.

– Проверяйте, – сказала Валентина и встала. – Больше не могу.

– Да, сейчас пойдете отдыхать. А как вы к нему относитесь, к своему родному сыну?

– Плохо. У меня была одна возможность отнестись к нему хорошо: задушить подушкой в роддоме. До того как его унесла домработница. Потому что его главное наследство – это мое везение. Мы все кем-то прокляты, вы не находите? Наш род надо прерывать.

Валя вошла в камеру, ощущая, какой мертвой стала ее кожа. Тело уже не справляется с тем огнем, который сжигает ее постоянно. Она упала на койку. Коля, которого она кормила грудью и назвала Артемом, когда он принадлежал ей... Этот сладкий, нежный, беспомощный комочек все еще живет в нескладном, туповатом парняге, вроде бы взрослом и почти чужом... Если бы она могла вырвать из сердца жалость к нему... К сыну, которого у нее нет.

Глава 13

Марине захотелось увидеть Валентина в суете рабочего дня. Захотелось остро, нестерпимо, срочно. Она набрала его номер.

– Ты где?

– На одной неофициальной встрече. Точнее, разговор у меня на скамейке в сквере. А что?

– А если я сейчас приеду в этот сквер?

– Буду счастлив. Объясняю, где он... Если ты из редакции и на такси, будешь здесь через двадцать минут. Может, мы к тому времени разговор закончим, если нет – подождешь немного. В любом случае я тебя жду на скамейке.

...К лавке Марина бежала и видела только Валентина. Лишь когда он встал, взял ее за руки, поцеловал в щеку и сказал: «Мы, собственно, почти договорили, садись, подожди минуту», – она увидела, что на скамейке сидит длинный парень, немного косоглазый, так что не совсем понятно – на нее он смотрит или чуть в сторону.

– Здравствуйте, – вежливо промолвила Марина. – Извините, что помешала. Не обращайтесь на меня внимания. Я не слушаю, читаю книгу.

– Здравсте, – ответил парень, подумал и встал.

– Николай, можно без почестей. Это моя невеста, – улыбнулся Валентин. – Марина, это Николай, сын Валентины Ветлицкой. Ты почитай, действительно. Мы с ним договорим.

Николай послушно сел, Марина тоже, достала из сумки книгу. Валентин повернулся к собеседнику и с интересом отметил, что тот не может глаз отвести от Марины. «Надеюсь, ей такой косоглазый не понравится, а вообще к ревности мне, похоже, нужно себя готовить», – подумал Валентин.

– Коля, еще пару минут, будь так добр, – он постарался переключить внимание парня на себя. – Мне хотелось бы прийти к внятному результату нашего разговора. Вы хотите участвовать в деле вашей матери со стороны защиты? Вы в любом случае будете привлечены как свидетель. Если не со мной, то с обвинением.

– Так я ж говорю: не знаю ничего.

– Вроде бы у нас разговор был о том, что ничего не знать вы не можете. Вы не в курсе, что случилось той ночью, верю, но вы хотя бы со слов приемной матери должны знать о том, что происходило в этом доме. В каком настроении вернулась Валентина, какие отношения возникли у нее с тетей после возвращения, что еще бывал в квартире и так далее.

– Пусть мамка и рассказывает на суде. Я при чем...

– При том, потому что вы – родной сын подозреваемой. И по идее должны быть заинтересованы в том, чтобы ее не обвинили, если она не виновата.

– Откуда я знаю...

– Валь, – вдруг вмешалась Марина. – Извини, просто сил нет молчать. Николай, вы тоже простите меня, что влезаю. Но сын не может не сочувствовать матери, не может не попытаться ей помочь. Знаете вы что-то или не знаете, кто, кроме вас, ей протянет руку помощи... Только в одном случае вы в этом не заинтересованы: если боитесь, что обвинят вас.

– Че это... Ничего себе... А я при чем?..

– Марина права в том, – серьезно сказал Валентин, – что, защищая мать, вы тем самым отводите подозрение от себя. Если будете помогать обвинению, я выдвину версию, что вы с вашей приемной матерью больше всех заинтересованы в том, чтобы упрятать в тюрьму прямую наследницу. Отвести подозрение от себя и все получить в результате. Такой расклад, Коля.

Николай так глубоко задумался, что это напоминало кому. Потом посмотрел не на Валентина, а на Марину.

– Так скажите, че говорить надо...

– Мы ничего не собираемся вам диктовать, – объяснил Валентин. – У нас разговор всего лишь о вашей нравственной позиции.

– Мне кажется, Николай понял, – Марина мягко взглянула на парня, которого явно повело от этого взгляда.

Валентин вздохнул. Похоже, в этом деле он начинает использовать совершенно непредвиденный ресурс.

– Тогда на этой ноте пока расстанемся, – сказал он и встал. – Мой телефон у вас есть, если что-то вспомните, звоните. Я тоже вам позвоню. Спасибо за беседу. До встречи.

– До встречи, – повторила Марина и встала рядом с ним. – Пока, Николай.

– Ага, – ответил тот, по-прежнему глядя только на нее. – Я забыл сказать. Если вдруг... Ну, в общем, есть один человек, который вроде знает что-то... Я спрошу. Я позвоню.

– Буду ждать, – сказал Валентин.

– Обязательно позвоните. Побыстрее, – добавила Марина.

Валентин быстро уводил ее за руку, не зная, то ли поблагодарить ее за помощь, то ли строго запретить на будущее, чтоб никогда больше... Решил не делать ни того, ни другого. У выхода из сквера оглянулся. Николай по-прежнему стоял у скамейки и смотрел им вслед. «Им» – это, конечно, преувеличение. Он смотрел вслед Марине.

Когда Валентин и Марина сели в машину и уехали, к Николаю подошел Роман.

– Что за девка? – ухмыльнулся он.

– Невеста его, адвоката этого.

– Хороша. Понравилась?

– Твое какое дело?

– Да так... Мало ли. Посоветоваться хочешь с опытным мужиком?

– С тобой, что ли?

– А что... Мать твоя была еще та штучка. Но не ушла от меня. Ладно, по делу: чего они хотели?

– Чтоб я мать защищал. Вроде и я подозреваюсь, а так – ну, как бы я ни при чем.

– Понятно. Знаю я адвокатов. Тут можно и бабла немножко срубить.

– Это как?

– Пожалуйся на то, что остался на нулях без бабки.

– А ты расскажешь то, что собирался?

– Так я по-всякому могу рассказать. Надо подумать. Вообще-то – если Вальке помочь, она с нами поделится, это точно. Она не жадная.

– Опять, – возмутился Коля. – Кто это с тобой должен делиться? Одно дело – я, другое – ты, не...

– Тебя заклинило, чувствуешь? Целыми днями бубнишь: «не пришей кобыле хвост». Были б у меня деньги, сводил бы тебя к врачу. Понимаешь, сынок, в этом деле ты без меня ни фиги не справишься. Это я могу что-то сказать, а у тебя с беседой вообще туго. А где адвокат живет, не знаешь?

– Откуда?

– Ну, карточку он тебе давал, я видел.

– Вот она. Там только фамилия и телефон.

– Петров. Наверное, непростой адвокат, раз за такое дело берется. Где живет, узнать легко.

– Зачем?

– Невеста его мне понравилась.

Глава 14

Слава посмотрел на входящего в кабинет Сергея, как на спасителя.

– Привет. Слушай, это ужас – квартира Ветлицких. Столько комнат, и ни одной нормальной стены.

– В смысле?

– В смысле – стеллажи от пола до потолка. Книги, рукописи, записки, наброски, картинки... И между ними – много чего еще. Во-первых, кто-то небольшие записки прятал между книгами. Наверное, хозяйка... Покойная. Во-вторых и последующих – там блокноты с чем-то вроде дневниковых записей, фотографии – не в альбомах, как у людей, хотя есть и в альбомах. И письма, записки... Знаешь, Вера Ветлицкая писала мужу послания, когда они жили вместе, и прятала их в книги... Наверное, он не читал. Я вот читаю, и мне не по себе как-то. Очень личные, интимные, но там есть, конечно, информация для того, чтобы что-то понять. Думаю, для следствия записи не слишком пригодятся. Я решил отдать вам с Петровым, даже ксерить не стал. Не могу это нигде светить. Слишком сладкая добыча для всех желающих смаковать чужую жизнь. Вам придется доверять: если там есть факты, надеюсь, от меня не утаите. И потом, это ваше занятие. Чужие письма читать...

– Слав, ты себя слышишь вообще? Ты мне сам предлагаешь материал и меня же заранее презираешь. И Петрова заодно.

– Да не то чтобы презираю, – Зелищев почесал затылок. – Просто работа у нас разная. Мне б убийцу обвинить или кого другого найти, а вам – страсти накалить, интерес привлечь, всех с толку сбить.

– Да, – Сергей смотрел на приятеля уже сочувственно. – Как с непривычки ударяет по мозгам слишком большое количество книг. Может, пойдем пива выпьем, чтобы землю под ногами почувствовать?

– Пойдем, – грустно согласился Слава.

Они долго сидели молча под тентом летней пивной, наслаждаясь холодным вкусным напитком. Потом Слава взял папку, которую приготовил для Сергея, нашел фотографию, показал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.